

non-commercial” entity?

Article 12a might stop anyone who isn't the official organiser of a sports match from posting any videos or photos of that match. This could put a stop to viral sports GIFs and might even stop people who attended matches from posting photos to social media. But as with the articles above, all of this depends on how the directive is interpreted by member states when they make it into national law.

List of References

1. Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council on Copyright in the Digital Single Market // Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52016PC0593>.

УДК 343.12 (043.2)

Самко А. В., магистр юридических наук,
Академия МВД Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ

В соответствии с ч. 1 ст. 426 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) уголовные дела частного обвинения возбуждаются лицом, пострадавшим от преступления (его представителем, юридического лица) путем подачи заявления о совершении в его отношении преступления, предусмотренного ч. 2 и 3 ст. 26 УПК непосредственно в районный (городской) суд. Подобный порядок производства, отсутствие стадии предварительного расследования по замыслу законодателя должны способствовать их более быстрому рассмотрению, устранению волокиты, экономии бюджетных средств, с тем, чтобы права и законные интересы пострадавшего лица были восстановлены в максимально кратчайшие сроки. В противном случае теряется сама логика выделения данного производства. Однако, не всегда стороны добросовестно относятся к соблюдению требований по явке, в связи с чем в ходе правоприменительной деятельности судебные разбирательства зачастую откладываются в связи с неявкой обвиняемых в суд. Одной из причин к тому видится в отсутствии четко предусмотренных в законе полномочий суда по применению к обвиняемому меры пресечения в стадии назначения и подготовки судебного разбирательства.

Так, в соответствии со ст. 277 УПК по поступившему в суд уголовному делу судья лишь выясняет, подлежит ли *изменению или отмене* примененная в отношении обвиняемого мера пресечения. Правом

ее применить в данной стадии уголовно-процессуальный закон суд не наделяет. Подобный вариант регулирования не вызывает сомнений при производстве по делам публичного и частно-публичного обвинения, так как по ним производится предварительное следствие и мера пресечения, как правило, применяется органом уголовного преследования. Суд же, в случае признания этого необходимым, полномочен на ее изменение либо отмену. По делам же частного обвинения этот порядок применим не в полной мере. Достаточно распространены случаи, когда судьи, следуя нормам УПК, не избирают меры пресечения в отношении обвиняемого, что зачастую приводит к затягиванию судебного разбирательства.

Так, например, по уголовному делу в отношении Ж., возбужденному по ст. 153 Уголовного кодекса Республики Беларусь, судом в отношении обвиняемого мера пресечения не избиралась, последний от явки в судебное разбирательство уклонялся, в связи с чем оно неоднократно откладывалось и состоялось практически через год, лишь после объявления Ж. в розыск и его задержания [2]. И подобные примеры далеко не единичны в судебной практике [1].

Следует отметить, что правом применить меру пресечения в стадии назначения и подготовки судебного разбирательства по делам частного обвинения наделяет судью иной нормативный правовой акт. В постановлении Пленума Верховного суда Республики Беларусь от 31.03.2010 года № 1 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса, регулирующих производство по делам частного обвинения» (далее – Пленум) указано, что при наличии оснований, предусмотренных ст. 117 УПК, судья вправе избрать в отношении обвиняемого меру пресечения [3, п. 13], создавая по сути новую уголовно-процессуальную норму.

Безусловно, как справедливо подчеркивает И.В. Данько, «можно дискутировать о том, насколько это соответствует теории разделения властей, как это согласуется с принципом законности, но утверждать, что, например, пленум Верховного суда не выходит за рамки толкования уголовно-процессуального закона и не создает дополнительных процедурных правил, значит игнорировать реальное положение вещей» [4, с. 55]. Вместе с тем, на наш взгляд, это справедливо в отношении установления именно процедурных правил. К таковым, к примеру, можно отнести сформулированные в вышеуказанном постановлении требования к судье принять решение по поступившему в суд заявлению в течение трех суток или о необходимости оформить его вынесением соответствующего постановления [3, п. 4].

Интересен тот факт, что и суды по-разному подходят к решению указанного вопроса, причем не только в регионах республики, но и в пределах одного города, и даже в одном и том же суде. Так, изучение уголовных дел частного обвинения в районных судах г. Минска

показывает, что, например, в Партизанском районе на стадии назначения и подготовки судебного разбирательства судьи применяют меру пресечения в 96,7% случаев, в то время как в Московском районе в аналогичной ситуации мера пресечения не избиралась по 90% изученных уголовных дел, в Ленинском районном суде применялась мера пресечения в 58% случаев, в остальных случаях она не избиралась. В суде Советского района мера пресечения не избиралась не по одному из изученных уголовных дел частного обвинения. Причем стоит учитывать и то обстоятельство, что судья, не применив к обвиняемому меры пресечения, в случае его последующего уклонения от явки фактически лишается возможности ее избрания даже в случае объявления последнего в розыск. *Например, судья суда Московского района г. Минска, вынося постановление об объявлении розыска Ж., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 153 УК Республики Беларусь, в отношении которого ранее мера пресечения не избиралась, со ссылкой на ст. 302 УПК указал в постановлении, что «суд не считает целесообразным избрание в отношении обвиняемого меры пресечения» [2].* Вместе с тем, как представляется, судья и не был полномочен принять подобное решение. Так, в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 302 УПК розыск скрывшегося обвиняемого объявляется определением (постановлением) суда с одновременным решением вопроса об *изменении* ранее примененной в отношении его меры пресечения. Таким образом судья имеет возможность лишь изменения ранее примененной меры пресечения, а не ее избрания. А ведь в случае объявления межгосударственного или международного розыска обвиняемого, его задержания за пределами Республики Беларусь отсутствие решения вопроса о мере пресечения не будет способствовать его эффективному исполнению.

Следует ли предоставить суду полномочия по избранию меры пресечения по уголовным делам частного обвинения в стадии назначения и подготовки судебного разбирательства? Ответ на данный вопрос видится отрицательным. Безусловно, судья должен обладать эффективным механизмом воздействия на обвиняемого для обеспечения его явки в судебное разбирательство, и данные меры оказывают превентивное воздействие, на лицо, привлеченное к уголовной ответственности. Вместе с тем, как представляется, суд, следуя установлениям УПК, может реализовать свое право на применение мер пресечения лишь на стадии судебного разбирательства, в порядке ч. 1 ст. 304 УПК. Данное решение законодателя логично и должно исключать возможность применения п. 13 Пленума, так как в рассматриваемой стадии судом не устанавливаются обстоятельства совершения преступления, не исследуются доказательства и вопросы виновности или невиновности обвиняемого.

Таким образом, как представляется, необходимо провести более комплексный анализ обозначенной проблемы с целью выработки предложений по ее нивелированию, что не позволяет объем настоящей публикации.

Литература

1. Архив суда Бобруйского района и г. Бобруйска. Уголовные дела №№ 1-823, 1-650.
2. Архив суда Московского района г. Минска. Уголовное дело № 1-185.
3. О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса, регулирующих производство по делам частного обвинения: Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 31 марта 2010 г. № 1 // Информационно-поисковая система «Эталон» [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
4. Уголовный процесс. Общая часть : учебник / И.В. Данько и [др.]; под общ. ред. И.В. Данько. – Минск : Акад. МВД, 2012. – 478 с.

UDC 349.3(043.2)

Michalska-Warias Aneta, Prof. UMCS dr hab.
Maria Curie-Skłodowska University in Lublin, Poland

THE OFFENCE OF TERRORIST TRAINING IN POLISH CRIMINAL LAW

The very concept of terrorism was introduced into Polish criminal law in 2004 when Poland joined the European Union. Since then there have been many modifications introducing new terrorist offences into the system. While any offence which meets the statutory requirements specified in Art. 115 § 20 of the Polish Criminal Code (henceforth referred to as CC) may become “an offence of terrorist character” which implies, first of all, the aggravation of punishment for the offender. There are also many offences which are described with the use of that concept and which refer to some preparatory activities of terrorists which cannot be considered to fulfil the requirements of Art. 115 § 20 CC and need to be punished on separate bases. One of such offences is the misdemeanour known as “terrorist training” described in Art. 255a § 2 CC. It was added into the Polish criminal law system under the influence of the requirements of the EU law referring to the issue – at present it is the directive of the EU Parliament and of the Council of 15 March 2017 on combating terrorism and replacing Council Framework Decision 2002/475/JHA and amending Council Decision 2005/671/JHA (OJ L 88, 31.3.2017, p. 6–21). According to Art. 8 of this legal act, Member States shall take the necessary measures to ensure that receiving instruction on the making or use of explosives, firearms or other weapons or noxious or hazardous substances, or